

Между государством и церковью: судьба Сампсониевского собора

Взаимоотношения храмов-музеев и музеев, в фондах которых имеются иконы, с одной стороны, и Русской православной церкви, с другой, являются сегодня предметом острых дискуссий. Изучение и детальный анализ прошлого опыта этих взаимоотношений необходимы для того, чтобы найти пути дальнейшего взаимодействия музея и церкви. Конфликт церкви и музея на почве разделения имущества – специфическая черта, характерная и для России, и для других стран, находившихся под влиянием советской власти. Политика бесконфликтного и плодотворного сосуществования музея и действующего храма была апробирована в Сампсониевском соборе – уникальном историческом и архитектурном памятнике первой половины XVIII в.

Ключевые слова: русская культура, Сампсониевский собор, храм-музей, Русская православная церковь, передача общинам верующих храмов-музеев, Нагорский Николай Викторович.

E. M. Nikiphorenko

Sampsonievsky cathedral's destiny: between state and church

Relations between temples converted to museums and museums where icons are being stored, on the one hand, and Russian Orthodox Church, on the other, have become a subject of fierce disputes. Detailed analysis of any existing relations of the kind is necessary as it allows to find better ways of further interaction between museum and church. Conflict between church and museum based on property disagreements is a peculiar problem both in Russia, and in the other countries which experienced the influence of the Soviet power. The policy of fruitful coexistence of a museum and an operating temple has been approved in the Sampsonievsky cathedral – a unique historic and architectural monument of the first half of XVIIIth century.

Keywords: Russian culture, the Sampsonievsky cathedral, Russian Orthodox Church, museum, Nagorsky Nikolay Viktorovich.

Взаимоотношения храмов-музеев и музеев, в фондах живописи которых имеются иконы, с одной стороны, и Русской православной церкви, с другой стороны, стали предметом обсуждений с последних десятилетий XX в. Именно тогда, в 1990-х гг., когда Русской православной церкви начали возвращать ее недвижимое имущество, встал болезненный вопрос возврата предметов церковного искусства. Но сегодня эта проблема является особенно острой.

Изучение и детальный анализ опыта прошлого столетия этих взаимоотношений необходимы для того, чтобы избежать возможных ошибок в настоящем и будущем и найти пути взаимодействия музея и церкви.

До 1917 г. проблема взаимоотношений государства и церкви просто не существовала – все храмы и соответственно церковное имущество принадлежали Русской православной церкви, и ни о каком другом их использовании и перемещении речи быть не могло.

К осени 1917 г. Петроградская епархия была одной из самых крупных и богатых в стране. В Петрограде и ближайших пригородах на-

считывалось около 500 храмов. В Петрограде было 63 приходских церкви (к ним относились и храмы при крупных предприятиях). До революции соблюдалось положение о том, что приход – церковный округ – мог образовываться только при наличии в нем храма, средств, достаточных для его содержания, и обычно не менее 700 прихожан мужского пола.

Для большевиков, пришедших к власти в 1917 г., Русская православная церковь была идеологическим противником, так как она, будучи неотъемлемой частью царской России, защищала старый строй и после революции.

За время руководства страной Временным правительством удалось провести некоторые реформы, направленные на достижение определенной независимости церкви от государственных структур. Важнейшим церковным событием этого времени было проведение Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг., где была упразднена синодальная система, и вновь, после двухсотлетнего перерыва, Русская церковь обрела патриарха. С этого момента для Русской церкви закончился период, назы-

ваемый историками церкви синодальным, имперским или петербургским, и начался новый, не менее тяжелый, который вошел в историю церкви как советский.

На Поместном соборе Русской православной церкви был поставлен вопрос о состоянии церковного искусства и прозвучало предложение о создании «Патриаршей палаты», на базе которой предполагалось организовать научный центр по охране памятников старины.

Также был выработан и обсужден проект положения «Об охране памятников церковной старины», в котором были определены самые важные точки взаимодействия с государственной властью:

«Все памятники церковной старины являются неотъемлемой частью собственности Православной церкви и как национальное достояние охраняются всей мощью государственной власти;

Высшее наблюдение за сохранением и поддержанием церковной старины возлагается на „Патриаршую палату“;

Охране подлежат все памятники старше 50 лет» и др.

Но, к сожалению, этот очень важный документ так и остался на стадии обсуждения, а был принят единственный документ, касающийся церковного искусства – «О Комитете попечительства о русской иконописи».

Одним из первых законов нового правительства был принятый 20 января 1918 г. декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (другое название «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»). Декрет законодательно лишил Русскую православную церковь статуса государственного юридического лица и соответственно имущества, которое было объявлено народным достоянием, т.е. достоянием государства. Церковь была лишена источников существования и собственности.

Для церкви начался длительный период правового произвола. Потеряв права юридического лица, церковь была лишена и своей памяти – собственных архивов. Именно поэтому сегодня исследования в области церковной истории сопряжены с огромной проблемой получения информации, в лучшем случае рассеянной по многочисленным архивным фондам, а в худшем – просто уничтоженной.

Инструкция Наркомата юстиции от 24 августа 1918 г. «О порядке проведения в жизнь

декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» установила «советский» порядок организации церковной жизни: все церковное имущество переходило непосредственно в ведение местных Советов депутатов трудящихся, а те по описям передавали его в бесплатное пользование прихожанам «числом не менее двадцати человек» на условиях договора. «Двадцатка» принимала на себя ответственность за здание храма, богослужбное имущество и могла самостоятельно приглашать того или иного священника.

В следующем году был принят декрет «О вскрытии мощей всех российских чудотворцев» и в 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей», поводом для которого послужил величайший голод в Поволжье. Но причина была другая: внедряя коммунистические идеи, государственная власть видела в Русской православной церкви противника, обладающего необходимыми для идеологической борьбы капиталами, и именно поэтому начала уничтожать храмы и монастыри.

Хроника первых «мероприятий по отчуждению» была отражена на страницах еженедельника «Церковные ведомости», редакция которого была разгромлена сразу после первых критических публикаций.

В одном из выпусков протопресвитер, бывший придворный духовник А. А. Дернов сообщал, «что в Гатчине бывшая Дворцовая церковь совершенно уничтожена. Церковь Зимнего Дворца (Большой собор) дважды подвергалась разгрому: в октябре, когда многие ценности унесены... и 25 ноября, когда бандиты, взломав двери и увидев, что разгром был произведен раньше... вытащили из-под святого престола камни»¹.

Изъятие ценностей в Александро-Невской Лавре было проведено уже более организованно. Мандат, по которому все имущество и строения Лавры переходили в ведение большевистского правительства, впервые вызвал противодействие священнослужителей и мирян². В Совет Народных Комиссаров было направлено письмо-протест. В нем говорилось, что «в попытках отчуждения собранного длинным рядом поколений верующего народа церковно-народного достояния и церковных святынь: Александро-Невской Лавры, синодальной типографии, духовных учебных заведений и др., – делаемого Советом народных комиссаров, мы, православные русские люди, видим нарушение не только

всякой правды, но и начало открытых гонений на Православную Церковь и на православную веру...»³.

Тем не менее, когда государство в лице Комиссии помощи голодающим (ПОМГОЛ) обратилось к патриарху Тихону с призывом пожертвования церковных ценностей на нужды голодающих, патриарх ответил на эту просьбу изданием «Воззвания к пастве», в котором просил жертвовать на нужды голодающих церковные ценности, «не имеющие богослужебного употребления». Однако этот призыв был совершенно иначе интерпретирован, и церковь обвинили в равнодушии к народным бедам.

Началась вторая волна насильственного изъятия церковных ценностей. Петроградский митрополит Вениамин (Казанский), во избежание столкновений с властями и предотвращения жертв, благословил жертвовать все, что не относится к Святому престолу и даже ризы с икон. Он был готов пожертвовать голодающему народу даже драгоценный оклад с величайшей святыни Петербурга – образа Казанской Божьей Матери. «Это – Богово, мы все отдадим сами», – говорил святитель⁴. 6 марта 1922 г. святитель Вениамин сам обратился в ПОМГОЛ с заявлением о добровольном пожертвовании Церковью своего достояния при условии осуществления контроля со стороны верующих. За что на него было возбуждено уголовное дело, и 29 мая он и еще 86 человек были арестованы.

В июле трибунал приговорил к смертной казни и расстрелял митрополита Вениамина, архимандрита Сергия (Шейна) и профессора юридического факультета Петербургского университета Юрия Павловича Новицкого, являвшегося также юрисконсультом Лавры.

С конца 20-х гг. началось массовое закрытие приходских храмов, часто сопровождавшееся их сносом. При этом официально не отрицалась ценность «культовых построек» как памятников истории и искусства, однако безоговорочно такая ценность признавалась лишь за храмами, построенными до XV в. Наибольшие утраты выпали на памятники архитектуры синодального периода как «малохудожественные».

С 1 февраля 1930 г. был запрещен колокольный звон. Изъятие колоколов и запрещение колокольного звона оправдывались официальным введением непрерывной рабочей недели в 1929 г. и нуждой государства в меди. Фактиче-

ски, кампания по изъятию церковных ценностей возобновилась в 1930-е гг. с новой силой.

Трудно переоценить те потери, которые понесла русская культура за эти годы. Сколько замечательных, уникальных памятников архитектуры, иконописи, прикладного искусства было уничтожено и вывезено за рубеж.

В эти годы храмы не просто уничтожали, их оскверняли с особым цинизмом – приспособляли и переоборудовали под другие, часто унижительные нужды трудящихся. Многие храмы были обращены в лучшем случае в склады и хранилища, но были и спортивные комплексы, бассейны и даже общественные туалеты. Так что тем храмам, которые особо активным «двадцаткам» удалось отстоять и представить на них убедительные музеефикационные программы (по типу музея отжившего культа или музея атеизма), можно считать, повезло.

Декретом от 15 мая 1932 г. была объявлена безбожная пятилетка, предполагавшая к 1 мая 1937 г. полную ликвидацию церкви.

Документы свидетельствуют, что Сампсониевский собор достаточно долго оставался островком спасения для многих произведений церковного искусства из близлежащих храмов. Например, церковь благоверной княгини Анны Кашинской Кашинского Сретенского женского монастыря Тверской епархии, находящаяся неподалеку от Сампсониевского собора (Б. Сампсониевский пр., 53), согласно выписке из протокола № 83 заседания президиума ВЦИК⁵, подлежала закрытию с 1 июля 1933 г. и сносу.

В архивном деле также имеется заявление «двадцатки» с просьбой разрешить перенести две иконы в Сампсониевский собор⁶. Так же материалы дела демонстрируют продолжающуюся борьбу инициативной группы за сохранение храма Анны Кашинской, построенного в начале XX столетия по проекту архитектора А. П. Аплаксина, результатом которой явилось имеющееся в деле решение президиума Выборгского райсовета о передаче здания Выборгскому музею и акт о передаче ключей от церкви зав. музеем⁷.

Так же располагавшаяся неподалеку церковь Спаса Происхождения Честных Древ (Спасо-Бочаринская; ул. Комсомола, д. 9), снесенная летом 1932 г., передала две иконы и серебряный крест Сампсониевскому собору⁸.

С 1918 по 1938 г. Сампсониевский собор оставался в ведении управления заместите-

ля Патриаршего Местоблюстителя в Москве и Ленинградского митрополита. Однако нападки на собор были постоянными. Так в январе 1932 г., согласно выписке из протоколов собраний рабочих и служащих предприятий и учреждений города о закрытии храмов и снятии колоколов, было поручено Ленинградскому Совету поставить вопрос о том, чтобы «закрыть собор князя Владимира и передать под районный кооперативный клуб; закрыть Троицкую церковь (находящуюся напротив Петропавловской крепости), помещение каковой передать под клуб воинским частям и рабочим Монетного двора, остро нуждающимся в культурном очаге. Закрыть церковь Сампсония по пр. К. Маркса и открыть в ней магазин готового платья» (фабрика «Красный Маяк»).

20 марта 1935 г. усилиями творческой интеллигенции Ленинграда Сампсониевский собор был взят под охрану государством как исторический и мемориальный памятник. Во имя спасения этого уникального памятника были предприняты все меры для обоснования его исторической связи с легендарной Полтавской баталией. Храм был объявлен памятником славы и победы русского оружия в борьбе с иноземными захватчиками. На тот момент это был единственно возможный путь сохранить его от полного уничтожения.

Но все же в июле 1938 г. церковные службы в Сампсониевском храме были прекращены по решению административной комиссии Выборгского комитета (протокол от 11 июля 1938 г.)⁹. Известно «Анонимное письмо секретарю обкома ВКП (б) А. А. Жданову с протестом против преследования духовенства и закрытия церквей», которое было прислано из обкома ВКП(б) председателю Ленсовета для проверки. В нем, ссылаясь на ст. 24 Великой Сталинской Конституции, дающей право трудящимся СССР исповедовать любую веру, определена позиция народа на государственные реформы по отношению к Русской православной церкви. «Лишили людей самого дорогого. Здесь уже не идейная борьба, а насильственная и, можно сказать, разбойничья, ведь народ-то не обманешь, он чует правду, где же спрашивается здесь пункт 24 конституции. А слово печати, вот уж этого и совсем нет, разве мы можем открыто написать в редакцию газеты, подписать подлинно свои адреса и фамилии. Нет. Нас угонят куда Макар телят

не гонял. Вот теперь наша огромная Выборгская сторона осталась совершенно без храма, самый дорогой храм древний, Сампсониевский, власти закрывают, это сказали двадцатке в Смольном, что, дескать, мы не регистрируем 20-ку, т.к. ваш храм подлежит закрытию... В силу изложенного просим дать нам возможность в дни и часы досуга проводить в своем родном храме Сампсониевском... С приветом рабочие заводов и прихожане Сампсониевского храма»¹⁰.

С 1939 г. Сампсониевский собор был передан в ведение Охраны памятников Управления по делам искусств Ленинградского Совета депутатов трудящихся.

Но еще с 1938 г. велись переговоры между дирекцией Эрмитажа и Комитетом по охране памятников о возможности аренды здания собора. Однако далеко не музейные функции для Сампсониевского собора готовил Эрмитаж, собор должен был использоваться под склад Эрмитажа.

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда изменили все планы мирного времени и по отношению к Сампсониевскому собору в том числе.

На протяжении всего XX в. именно музеи бережно сохраняли и заботились о памятниках храмовой архитектуры. Музеефицируя, спасали храмы от сноса, предотвращали вывоз многих ценностей, консервировали и реставрировали произведения церковного искусства, составляли описи и вели учет. Музеи сохранили не только предметы, но и религиозные традиции – бесценное наследие духовной культуры. И не только хранили, а популяризировали, не позволяли прерваться жившей в народе преемственности культуры.

Благодаря тому, что в советский период несколько поколений ленинградских детей выросло, посещая экскурсии в Исаакиевском соборе, Казанском соборе, отделе Древнерусского искусства в Русском музее, для них были понятными и знакомыми библейские сюжеты, символика церковного искусства, история Русской православной церкви и т.д. Именно благодаря этому люди сохранили в себе православный дух, православную культуру.

В эти же годы проводились серьезные работы по реставрации икон во многих музеях страны. Большой вклад в сохранение иконописи внесли сформированные еще в дореволюционное время Научно-реставрационные мастер-

ские имени И. Грабаря в Москве. «Надо отметить вырисовывающуюся удручающую картину ее (церкви) небрежного отношения к памятникам культуры. Многочисленные перестройки древних храмов, нарушение их архитектурно художественной целостности проводились в интересах религиозных, оторванных от заботы о памятнике. Это же относится и к постоянному „поновлению «икон и храмовых фресок, в результате которых навсегда утрачено неподдающееся учету количество фресок А. Рублева во Владимире, только на расчистку которых советскими реставраторами потребовались годы упорной работы»¹¹.

В свет выходит большое количество прекрасно оформленных и богато иллюстрированных альбомов по искусству Руси. Целая плеяда советских исследователей ведет научные изыскания в области церковного искусства, появляются серьезные научные работы.

В преддверии празднования 1000-летия Крещения во многих храмах начинаются восстановительные и реставрационные работы, которые в основном заканчиваются к 1988 г.

Возрождение иконописания в России началось в 80-х гг. XX в., хотя были мастера работавшие в предшествующее десятилетие, например игумен Алипий (Воронов).

В 1982 г. возникло первое за советский период профессиональное объединение иконописцев – Алексеевская Патриаршая мастерская. Практически все мастера, начинавшие работать в это время, получили светское профессиональное образование. Можно отметить большой интерес к иконописи и у светских живописцев. Многие из них осваивают древние техники иконописного мастерства, копируют иконы. Но работы этих мастеров значительно отличаются даже от простых кустарных икон прошлого века, так как механическое повторение внешних форм не создает проникновенного православного образа.

Итак, отношения Русской православной церкви с российскими музеями изначально не сложились, поскольку именно музеям досталась основная масса изъятых у религиозных объединений предметов культа и заметная часть зданий.

Сегодня передача общинам верующих храмов-музеев и монастырей-музеев происходит поспешно и часто необдуманно, без учета конкретных условий, необходимых для поддержания сохранности памятников, что вновь оборо-

чивается для культурного наследия России неисчислимыми потерями. Практически исчезает целый тип интереснейших музеев со сложившимися традициями, высококвалифицированными кадрами, а миллионы людей оказываются отчужденными от культурного наследия христианства, созданного общими предками как сегодняшних верующих, так и атеистов.

Однако уже сейчас очевидно, что подобную ситуацию нельзя решать прямолинейно, необходим поиск «золотой середины». Возможно, что и нет противостояния музея и церкви, как это кажется на первый взгляд. Церковь вполне могла бы рассматривать музей не как захватчика, а как помощника и соратника, не только на пути сохранения духовных и материальных ценностей церковной культуры, но и в деле воспитания русского народа и всего российского общества, возрождения его духовности, патриотизма.

Конфликт церкви и музея на почве разделения имущества – специфическая черта, характерная и для России, и для других стран, находившихся под влиянием советской власти.

Храм-музей – тип музея, хорошо известный и часто встречающийся во многих странах мира. Однако там процесс становления храма как музея шел постепенно, можно сказать, естественно, на общем фоне секуляризации общества и осмысления ценности культурного наследия.

В России этот процесс носил насильственный характер и проходил стремительно, с многочисленными тяжелыми потерями.

С середины XIX столетия в общественном сознании россиян наметилось изменение отношения к церковной архитектуре и предметам. Осознание предметов отечественной старины как историко-культурных ценностей началось с археологических объектов, а после распространилось на «церковные древности».

Культовые предметы стали объектами коллекционирования и экспонирования не только в монастырских и храмовых ризницах, но и в церковно-археологических музеях, на выставках, в залах исторических музеев. Большую роль в развитии этого процесса сыграло так называемое «открытие русских икон». Одновременно возрос интерес к недвижимым культовым памятникам, которые уже рассматривались с точки зрения «музейного» интереса. В это время издается большое количество путеводителей, приглашающих посетить тот

или иной храм, интересный, прежде всего, как достопримечательность, научных изданий, дающих историко-культурный анализ памятников культового искусства¹².

Многие храмы уже воспринимались ценителями древности как музеи. На это указывает, например, цитата из журнала «Временник. Северный кружок любителей изящных искусств»: «Храм Рождества Божией Матери [Ферапонтова монастыря] холодный, и службы в нем отправляются только в теплое время года. Да теперь это скорее музей-храм искусства, чем дом молитвы»¹³.

Кроме того, многие русские храмы изначально выполняли не только сакральную, но и мемориальную функцию. Это так называемые «храмы-памятники», которые возводили в честь знаменательных событий в отечественной истории, прежде всего в память великих военных побед. Храмы-памятники появляются уже в XII в. (церковь Покрова-на-Нерли), а к XVI в. они получают широкое распространение по всему Русскому государству (собор Покрова-на-Рву, церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове и др.).

В XIX в. мемориальное значение храмов-памятников усиливается посредством размещения в интерьере храма подлинных вещей, документирующих то или иное событие. Чаще всего это были знамена, трофеи, оружие, памятные предметы и надписи, надгробия.

Например, в Камер-фурьерском церемониальном журнале можно встретить записи об отправке трофейных шведских знамен в Исаакиевский собор (18 апреля 1809 г.)¹⁴, о доставлении в Исаакиевский собор трофейных турецких знамен (5 марта 1811 г.)¹⁵ или о доставлении в Казанский собор трофейных саксонских и иных знамен, ключей Гамбурга, Дрездена, Любека, Торна, Варшавы, а также Ленкорани¹⁶.

Однако отношение к храму как к культурно-историческому памятнику складывалось не только в светском обществе, но и внутри самой церкви. Многие священнослужители занимались научно-исследовательской деятельностью в области культуры, создавая при этом церковно-краеведческие организации. Церковно-краеведческие организации, которые начали появляться в разных регионах России с конца XIX в., занимались изучением своей территории с точки зрения церковной истории, археологии, религиозной жизни народа. В рамках этих организаций при церквях и соборах открывались древлехранилища, которые занима-

лись собиранием вещественных и письменных памятников церковной старины. Древлехранилища включали в свои коллекции и «нецерковные памятники, служащие к уяснению религиозно-нравственного быта православных обывателей местного края»¹⁷.

В отличие от столичных городов, где начиная с Петровского времени музеи создавались преимущественно в рамках светской культуры, в провинции церковь оказывала влияние на формирование музейных объектов и связанной с этим среды.

Примером может служить Тула, где в 1884 г. преподавателем Священного Писания Тульской духовной семинарии Николаем Ивановичем Троицким был основан первый тульский губернский музей – Епархиальное древлехранилище, или Палата древностей, как стали называть его позже. По мере роста собрания профиль музея постепенно изменялся. Из музея преимущественно церковной истории и культуры рождался музей общеисторический. При этом музей создавался не только для сохранения исторических предметов, но подразумевал и коммуникативную функцию, так как Палата была открыта для широкой публики, и среди ее посетителей было много детей и учащихся. Главную цель создания музея Н. И. Троицкий видел в «уяснении русского исторического быта и воспитании патриотических чувств»¹⁸.

Но в конце XX в. произошел резкий поворот в противоположную сторону – теперь стали закрывать музеи, занимающие культовые здания, и передавать культурные объекты Русской православной церкви. Возможно, государство таким образом искупало свою вину за воинственное безбожие советского периода, реабилитировало себя в глазах церкви, а, следовательно, и православного русского народа. Однако такая политика «восстановления исторической справедливости» принесла свои печальные результаты.

Дело даже не в том, что многие музеи с их уникальными и подчас хрупкими экспонатами оказались выброшенными на улицу в прямом смысле этого слова. Главное, что отсутствие должного ухода и несоблюдение правил хранения привели к тому, что многие архитектурные памятники и памятники изобразительного искусства, переданные Русской православной церкви, стали разрушаться. Церковь часто просто не располагает средствами, необходимыми для сохранения и реставрации памятников,

не имеет квалифицированных кадров, владеющих специальными музейными навыками. Иногда у служителей церкви отсутствует понимание того, что памятники надо хранить. К сожалению, приходится иметь дело с очень тяжелыми последствиями такого подхода. Но подчас ущерб наносится и со стороны музея, когда музейные работники не осознают духовный аспект вверенных им объектов.

В качестве примера можно привести Ипатьевский монастырь, который находится в совместном использовании Костромским государственным музеем-заповедником и монашеской общиной. Там был период, когда экспозиция не соответствовала ни названию музея «Ипатьевский монастырь», ни самому объекту, на территории которого музей расположен. Например, в одном из храмов в свое время была размещена коллекция оружия времен Гражданской войны, коммунистические и комсомольские реликвии, а также коллекция алкогольной продукции местных предприятий.

Или, например, когда Сампсониевский собор находился в ведении Государственного историко-мемориального музея А. В. Суворова, была сделана попытка привязать уникальный интерьер собора к специфической экспозиции «Русское оружие в годы Северной войны 1700-1721 гг.», что напоминало неудачный опыт музея «Ипатьевский монастырь» и привело к искажению исторического и художественного облика храма. Организаторами предлагалось изменить топографию собора, отказаться от смысловых акцентов алтарей, создать планировку новых административных и хозяйственных помещений.

Есть позитивные примеры компромиссов – открытие церкви при Третьяковской галерее, в которую перенесли часть икон из коллекции музея. По словам генерального директора Третьяковской галереи В. А. Родионова, «необходимость развития сотрудничества между государственными музеями и Русской православной церковью – это аксиома, которая не требует доказательств. Третьяковская галерея имеет хорошие контакты и дружеские отношения с Русской Православной Церковью. В музее есть храм, в котором регулярно совершаются богослужения у чудотворной Владимирской иконы Божией Матери. Настоятель храма одновременно является заведующим научным отделом Третьяковской га-

лереи. Наш музей часто посещает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Сотрудничество с церковью приносит нам радость, удовлетворение, мир и согласие».

Одним из ярких примеров такого сотрудничества в Санкт-Петербурге является Государственный музей-памятник (ГМП) «Исаакиевский собор». Это музейный комплекс, объединяющий наиболее крупные храмы-музеи Санкт-Петербурга – Исаакиевский собор, Сампсониевский собор, собор Воскресения Христова (Спас-на-Крови) и Смольный Воскресенский Новодевичий собор, который был передан музею в марте 2003 г.

Политика сосуществования музея и действующего храма была апробирована в Сампсониевском соборе – уникальном историческом и архитектурном памятнике первой половины XVIII в. Причем стоит отметить, что инициатива исходила от директора музея Николая Викторовича Нагорского.

В мае 2002 г. в соборе состоялось богослужение, первое после более чем 60-летнего перерыва.

Сначала богослужения проводились только по большим православным праздникам, теперь же они проходят регулярно. Храм имеет своего настоятеля – протоиерея Иоанна (Малинина), который возродил в соборе приходскую деятельность.

Таким образом, Сампсониевский собор сегодня живет полноценной жизнью храма, а музей продолжает свою работу. В соборе завершается реставрация, начатая еще в 1984 г., когда Сампсониевский собор в качестве филиала был передан ГМП «Исаакиевскому собору». Практически все работы ведутся на средства музея. Естественно, что церкви памятник такого уровня содержать пока сложно, поэтому для обеих сторон очевидно, что каждый должен выполнять свою работу: церковь – служить Господу, продолжая жизнь храма, музей – заниматься хранением, реставрацией, научным изучением и популяризацией вверенных ему ценностей

Анализ почти векового противостояния музея (государства) и священнослужителей (церкви) позволяет сегодня избежать ситуаций, усугубляющих проблему.

В целях достижения взаимопонимания и сотрудничества необходимо сегодня обеим сторонам увидеть положительные стороны в действиях бывшего идеологического противника. Начиная диалог, необходимо выстраивать взаимоотношения на принципах признания ог-

ромной исторической роли церкви в судьбе отечества и ее вклада в формирование нравственных устоев нации, а другой стороны, так же необходимо признание заслуг музеев и их сотрудников в нелегком деле спасения и сохранения от полного уничтожения русской церковной культуры как таковой.

Также обращает на себя внимание проблема личности в решении каждой отдельной ситуационной задачи. Было бы полезно обеим сторонам предельно деликатно решать кадровую проблему. Назначая руководителей музея, располагающегося в храме, и настоятеля в храм-музей, было бы полезно более серьезно ориентироваться на профессиональные характеристики человека, но и духовные нельзя оставлять без внимания. Вряд ли можно обойтись без проблем, если таким музеем руководит человек не только не верующий, но даже не желающий вникнуть в суть православной культуры, а настоятелем в этот храм назначен священник, не желающий сотрудничества.

Также существует и проблема с хранителями коллекций. Как должностное лицо хранитель, в подлинном смысле этого слова, является экспертом, исследователем, аналитиком в отношении всего или части фонда музея.

Если, например, хранитель позвоночной палеонтологии в Музее естественной истории должен быть зоологом или биологом и экспертом по динозаврам; хранитель живописи, графики или декоративно-прикладного искусства, к примеру XIX в., должен обладать знаниями эксперта в данной искусствоведческой области конкретного периода, то что говорить о хранителях фондов древнерусской живописи или фонда поздней русской иконы храмов-музеев.

Во многих европейских музеях хранителями коллекций являются узкоспециализированные сотрудники, как правило, академики, профессора, так как эти рабочие места регламентируются общенациональными или даже международными интересами. В России такая удача, к сожалению, выпала лишь считанным коллекциям.

Создание некой ассоциации, объединяющей хранителей и директоров православных храмов-музеев, организованной, возможно, на базе или при обязательном участии церкви, позволило бы более рационально и эффективно решать общие задачи: сохранение памятников и духовное просвещение посетителей. При этом

важно не только выполнение каких-то договоров и обязательств, но и уровень сознания вовлеченных в эти отношения людей.

Музейные работники должны быть духовно подготовлены и выстраивать свою профессиональную деятельность в соответствии с традициями православной культуры. Церковнослужители, в свою очередь, – ценить вклад музея и его сотрудников в дело поддержания и сохранения церковных реликвий и быть более терпимыми. Только в таком случае можно говорить о положительных перспективах этих отношений, ведь отношения – это, прежде всего, отношения между людьми.

Конечно, определенные проблемы, которые встают на пути этого сотрудничества, существуют: это и отсутствие правовой базы, регулирующей совместное пользование памятником; и некоторые вопросы кадрово-идеологической политики.

Опыт Сампсониевского собора, который, наверное, благодаря своему посвящению, исторически призван примирять непримиримое, имеет огромное значение. В XVIII в. этот православный храм и созданное при нем кладбище приняли под свою сень христиан различных вероисповеданий, различных национальностей, объединенных только одним делом – они создавали Санкт-Петербург. В XX в. Сампсониевский собор опять гасил противостояние церкви и государства – вплоть до его закрытия в 1938 г., в собор на хранение передавались иконы и утварь из других подлежащих уничтожению храмов. Сампсониевский собор уцелел и чудесным образом сохранил свое убранство, приняв статус памятника победы под Полтавой, опять же уравновесив церковные и государственные интересы. И, наконец, в начале XXI в. демонстрирует в своих стенах прецедент разумного компромисса действующего храма и музея, определив тем самым дальнейшую политику сближения государства и церкви.

Примечания

¹ Гонения на Петроградскую церковь: [ред. ст.] // Церков. ведомости. 1918. № 1. С. 20.

² Губин В. С крестом и на кресте // Перемена: газ. Л., 1990. № 7(10).

³ Церков. ведомости. 1918. № 1. С. 27.

⁴ Губин В. Указ. соч.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 50. Д. 29. Л. 79.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ Там же. Ф. 7179. Оп. 10. Д. 400. Л. 33.

Е. М. Никифоренко

⁸ Там же. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 117: Акт от 10 марта 1932 г. «О передаче двух икон и серебряного креста в Сампсониевский собор».

⁹ Арх. КГИОП. П–28, Н–146: Бражников В. Научный паспорт на здание б. Сампсрниевского собора. 1939. С. 107.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 50. Л. 87–88. Заверенная копия.

¹¹ Стародубцев О. В. Русская православная церковь и церковное искусство: 1917–1988 гг. URL <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/uchil> (дата обращения 18.11.2010).

¹² Например, Виноградов С. Обновление Владимирского Успенского собора. Владимир, 1884; Дмитриев И. Д. Псковский Иванно-Предтеченский женский монастырь. Псков, 1913; Ласковский В. П. Путеводитель по Новгороду. Новгород, 1910; Строганов С. Г. Дмитриевский собор во Владимире (на Клязьме). М.,

1849; Сулов В. В. Памятники древнего русского зодчества. Вып. 1–7. СПб., 1897–1901; и др.

¹³ Временник: изд. Северного кружка любителей изящных искусств. Вологда, 1916. С. 72.

¹⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1809. Январь–июнь. СПб.: Изд. Общ. Арх. М-ва Имп. Двора, 1908. С. 815.

¹⁵ То же. 1811. Январь–июнь. СПб., 1910. С. 181, 631.

¹⁶ То же. 1813. Январь–июнь. СПб., 1912. С. 79, 142, 168–169, 177, 380–381, 384–385, 505–507.

¹⁷ Устав церковно-археологического музея при Холмском Православном Свято-Богородицком Братстве // Холмско-Варшав. епархиал. вестн. 1882. № 22. С. 379–380.

¹⁸ Троицкий Н. И. Тульская епархиальная Палата древностей: отчет за 1898, 1899 и 1900 гг. // Тул. епархиал. ведомости. 1902. № 13/14. С. 309.